DOI: 10.17976/jpps/2020.02.05

ДИНАМИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АРМЕНИИ: ФАКТОРЫ И СУБЪЕКТЫ

О.Л. Саркисян, Н.А. Дунамалян

САРКИСЯН Оганес Лаврентьевич, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой политологии, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Армения), email: hovhannes.sargsyan@rau.am; **ДУНАМАЛЯН Норайр Арменович**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван (Армения), email: norayr.dunamalyan@rau.am

Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. – Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 53-72. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05

Исследование опубликовано в рамках деятельности научной группы "Национальная культура как стратегический ресурс развития: история и вызовы современности (на примере Армении и армянства)" при поддержке предоставленного Минобрнауки РФ финансирования научно-исследовательской деятельности Российско-Армянского (Славянского) университета.

Статья поступила в редакцию: 16.05.2019. Принята к публикации: 09.09.2019

Аннотация. Статья посвящена проблеме развития гражданской идентичности в Армении на фоне протестных движений последних лет, кульминацией которых стала "бархатная революция" 2018 г. Анализируя большой фактический материал, авторы ставят задачу выявить факторы, влияющие на трансформацию гражданского сознания армянского общества. Авторы считают необходимым учитывать специфику исторического развития армянского народа, не исключая использования имеющихся общих методологических концепций. В вопросе развития гражданской идентичности армянского общества значительное место уделяется изучению советского периода, который при всех положительных и отрицательных сторонах способствовал формированию ряда исходных элементов гражданского сознания, что в определенной степени стало основой для будущего движения независимости. "Карабах", "армянская армия", "государство", "историческое прошлое", "традиция", "христианство" – все эти понятия включены в символический портрет современной армянской гражданственности, хотя и с большими оговорками. Эти оговорки связаны со спецификой формирования армянского национального сознания из различных элементов, возникающих в ходе конфликта культурно-конфессиональной и гражданской моделей идентичности. В постсоветский период общественный дискурс в Армении строился вокруг противопоставления "этнонационального" и "государствоцентричного" подходов. Создание гражданской идентичности напрямую зависит от развития общества, так как уровень "персонализации" политических институтов имеет тесную связь со степенью доверия к ним. Представленные статистические данные подтверждают это, демонстрируя специфику трансформации гражданского сознания до и после "бархатной революции", а также определяя основные тренды внутренней политики и развития армянского общества в целом. Авторы представляют анализ главных факторов (смена поколений, политическая культура, трансформация социального протеста в политический), способствующих дальнейшему исследованию развития гражданской идентичности в условиях возникновения новых рисков и угроз в контексте определения оптимального формата отношений между государством и обществом.

Ключевые слова: гражданская идентичность, нация, политика идентичности, культурно-конфессиональная модель идентичности, армянство, бархатная революция, протестные движения, нациестроительство, трансформация общества.

Протестные движения, которые развернулись в апреле-мае 2018 г. в Республике Армения и завершились "бархатной революцией", находятся в центре внимания общественности и научного сообщества как в Армении, так и за ее пределами. Публичная реакция была достаточно быстрой и эмоционально окрашенной, а оценки – категоричными и зависели от личного отношения к событиям. Научное сообщество также оперативно отреагировало на процессы, протекающие в Армении. Исследователи подводили протестные движения под определенные теоретические схемы [Silaev, Fomin 2018], а американский журнал "Демократизация" посвятил "бархатной революции" специальный номер [Demokratizatsiya 2018], где авторы скорее описывали процессы, а не объясняли их. Такой характер исследований был естественным на тот момент, так как для адекватного осмысления социально-политических процессов необходимо время. Анализ протестной активности в Армении в мае-апреле 2018 г. был проведен А.В. Атанесяном [Атанесян 2018]. Очевидно, что протестные движения в Армении нуждаются в дальнейшем изучении. Будет плодотворным рассмотреть протестные движения сквозь призму трансформации гражданской идентичности в армянском обществе, что позволит осмыслить общий социально-политический контекст этих процессов.

Целесообразно рассмотреть протестные движения последних лет в контексте научного дискурса исследования разных аспектов идентичности. Мы руководствовались общими теоретико-методологическими установками и принципами изучения феномена идентичности, разработанными коллективом российских ученых под руководством профессора И.С. Семененко [Идентичность... 2017]. В частности, понятие "политика идентичности" рассматривается нами в контексте отношений государства и общества, где государство выступает ключевым актором политики идентичности, используя институты социализации и инструменты публичной политики с целью легитимации властных институтов и вовлечения граждан во взаимодействие с политическими институтами [Семененко 2017: 648]. С этой точки зрения политика идентичности является важнейшей составляющей процесса "нациестроительства". В армянской научной литературе в этом смысле термин "политика идентичности" практически не используется[1], что имеет свое объяснение. Отсутствие общенационального стратегического проекта развития делает практически невозможной осмысленную долгосрочную политику идентичности, а этническая идентичность, по существу, отождествляется с национальной идентичностью. Моноэтничность населения Республики Армения (более 97% населения составляют армяне) делает вышеназванную политику неактуальной [Саркисян 2018: 29].

Для выявления связи между политическими процессами и протестными движениями, а также анализа их последствий, были использованы теории, объясняющие мотивацию коллективного поведения на тот или иной момент развития

[1] Например, в работе [Ter-Matevosyan 2017] автор использует термин "политика идентичности", имея в виду политику не государства, а армянской общины, направленную на сохранение национально-культурной идентичности.

армянского общества [Gurr 1970; Олсон 1995; Медушевский 2018] с привлечением широкого круга эмпирических наблюдений и статистических данных.

ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ

Основы современной армянской идентичности были сформированы в IV-VI вв. в результате реализации *особой политики нациестроительства*, включавшей принятие христианства в качестве государственной религии, процесс суверенизации-национализации Армянской церкви, изобретение национальных письмен, создание собственной письменной культуры и национальной системы образования. Эту модель, где нация формируется и развивается даже в условиях отсутствия собственной государственности, где базовым ресурсом конструирования идентичности выступает цивилизационно-культурный ресурс, можно условно назвать моделью *культурной нации* [Саркисян 2017: 136]. Долгие века отсутствия армянской государственности, что означало включение армянства как на исторической родине, так и в разных общинах диаспоры в разные государственные образования, препятствовали формированию модели "гражданской нации". Отсюда истоки своеобразного конфликта между этничностью и гражданственностью, который в определенной степени сохраняется и сегодня.

Армянская государственность была восстановлена только в 1918 г., но первая армянская республика просуществовала всего два с половиной года. Затем Армения была включена в состав СССР, получив в дальнейшем статус союзной республики.

Изучение трансформации армянской идентичности в советский период является темой отдельного исследования. Это, безусловно, интересная тема, но необходимо учесть, что речь должна идти только о той части армянства, которая проживала в СССР. Отдельными вопросами подобного исследования могут быть: проблема соотношения наднациональной тотальной идеологии и этнонациональной идентичности, осмысление размежевания идентичностей "советского армянства" и армянской диаспоры, рассмотрение Армянской ССР как фактора формирования гражданско-государственного сознания веками лишенного государственности армянства, осмысление феномена этнического патриотизма и "мягкого" армянского национализма в позднесоветский период и др.

Советская модернизация Армении – в том числе с точки зрения развития гражданских ценностей, – проводилась в рамках осуществления концепции, которую Дж. Скотт в дальнейшем назвал "высоким модернизмом" [Скотт 2005: 151-177]. Суть данной концепции состояла в том, что модернизация навязывалась сильным государством слабому гражданскому обществу в рамках определенной схемы развития, формируя ряд внутрисоциальных разрывов, которые проявились позже. Но, несмотря на это, она имела и положительные последствия. Советский период в истории армянского народа значим в нескольких аспектах.

Во-первых, модернизация, развернувшаяся в СССР, затронула различные сферы жизни армянского общества. При всех негативных эффектах "советизации" Армении важной особенностью модернизации было частичное сохранение преемственности культурной модели развития [Мартин 2011: 28]. В 1920-1930-е годы этому способствовала политика "коренизации". Годы же "хрущевской оттепели" характеризуются возрождением национально-культурного самосознания, выразившегося в росте исследований в области нацио-

нальной истории и культуры, развитии армянской национальной литературы, разных сфер искусства, восстановлении некоторых связей с диаспорой.

Одним из результатов данных процессов стали массовые демонстрации 24 апреля 1965 г., посвященные пятидесятилетней годовщине геноцида армян в Османской империи, где выдвигалось требование официально признать и осудить геноцид. Подобные выступления были большой редкостью для Советского Союза, и данное событие продемонстрировало повышение уровня коллективного самосознания в отношении необходимости сохранения исторической памяти и культурного единства всего армянства, а также было созвучно дискурсу сохранения исторической памяти в Советском Союзе тех лет [Марутян 2008: 120].

Во-вторых, известно, что армянская культура в XVIII-XIX вв. в основном развивалась вне Армении – в армянских общинах различных стран. Там же формировалась и армянская буржуазия. Армяне играли заметную роль в госаппаратах и армиях различных государств. Советская модернизация в определенной степени способствовала формированию армянской интеллигенции в широком смысле (деятели искусства, науки и образования, управленцы-технократы, партийно-государственные служащие) в самой Армении.

В-третьих, важную роль, на наш взгляд, в трансформации армянства, пережившего геноцид, сыграла Великая Отечественная война. Сотни тысяч армян участвовали в борьбе против фашизма. Победа в войне способствовала переходу от психологии "нации-жертвы" к психологии "нации-созидателя" и "победителя".

В-четвертых, активная политика модернизации, с одной стороны, и интенсивное нациестроительство на уровне союзной республики в рамках советского проекта, с другой, плодотворно повлияли на демографическую картину: население Армянской ССР резко увеличилось как за счет внутреннего прироста, так и вследствие организованной репатриации из общин армянской диаспоры.

Что касается развития гражданской идентичности армянства в рамках СССР, заметим, что армянская культурная идентичность в контексте советской национальной политики развивалась относительно линейно, вступая в "реакцию" с некоторыми политическими элементами признания геноцида или карабахской проблемы, но не отступая от модели культурного самосознания. Государственность воспринималась не как цель, а как инструмент обеспечения национально-культурного единства. Отсутствие собственного опыта государственного строительства придавало государству как символу чужеродные смыслы или связывало его с советским опытом. Вместе с тем соотнесенность гражданина с государством формировала как лояльные (легитимирующие), так и критические либо протестные формы гражданской идентичности, направленные на совершенствование или перестройку политических институтов [Семененко 2017: 355].

Ключевое значение для дальнейшего развития Армении имело начавшееся в 1988 г. Карабахское движение. Движение, которое сначала выступало с конкретным требованием – воссоединения Карабаха с Арменией, – постепенно расширило свои цели: демократизация, развитие институтов гражданского общества и т.д. В начале Карабахского движения отсутствовал общественный запрос на получение независимости от СССР, а методы протеста соответствовали

демократическим [Искандарян 2011: 21]. Основным адресатом претензий был Баку, а власть Советского Союза воспринималась как арбитр.

Дилемма национального и демократического

Демократический путь передачи НКАО Армянской ССР рассматривался как единственно верный, а политические процессы внутри республики подчинялись логике политического консенсуса. Так, демократическим путем были проведены выборы в Верховный Совет АССР в 1990 г., а потом и президентские – в 1991 г. Демократия мыслилась как метод осуществления политического курса, а целью оставалось освобождение Карабаха. Такая же логика присутствовала и в экономических реформах первых правительств Республики Армения.

Но начавшийся процесс демократизации общественной жизни и трансформации гражданского сознания через пару лет после обретения независимости был, по существу, свернут. Можно выделить несколько причин этого. Во-первых, состояние войны с Азербайджаном и блокада со стороны Турции и Азербайджана, что требовало концентрации власти в одном месте и создавало почву для формирования авторитарных форм властвования. В подобных условиях необходимость "гражданского просвещения" ушла на второй план. Во-вторых, тяжелая социально-экономическая ситуация в стране, которая, с одной стороны, была следствием войны и блокады, а с другой – ошибок руководства страны. В-третьих, распад СССР способствовал расцвету *этнонационализма*, который, в отличие от некоторых других постсоветских республик, в Армении не проявился в агрессивной форме. Но в условиях даже "мягкого" армянского национализма развитие гражданского сознания не было перспективным. В-четвертых, армянство, по существу, продолжало рассматриваться скорее как культурно-конфессиональное образование, что выражалось в скрытом конфликте между традиционными культурно-цивилизационными и гражданскими ценностями. Осмелимся утверждать, что и сегодня существует "конфликт" между понятиями "армянин" и "гражданин Республики Армения".

Победа в Карабахской войне воспринимаясь в контексте борьбы армянского народа за существование и, будучи "мотором" формирования независимой республики, стала частью армянской "политической" идентичности. Добавим, что к власти в республике пришел своеобразный тандем либеральной интеллигенции, представителей советской номенклатуры и "ветеранов" карабахской войны, система управления которых основывалась прежде всего на принципах неформального взаимодействия (преференции на ведение бизнеса, договоренности о разделе сфер влияния и т.д.). Фактор Карабаха, как и проблема признания геноцида, обеспечивал консолидацию армянской нации, так как сложная система формальных отношений внутри армянского общества на тот момент еще не сформировалась.

В социально-экономической сфере с обретением независимости наблюдался процесс разрушения старых форм самоидентификации граждан. Быстрые экономические реформы и радикальные темпы приватизации "выбили" многих из социальной структуры, маргинализировав значительную часть старой интеллигенции и среднего класса. Именно поэтому становление независимой республики воспринималось как "уход" государства из ряда сфер социальной жизни, что привело к концентрации внимания граждан на

личных интересах, сузив понимание общественного интереса до семейного и углубив социальную атомизацию [Погосян 2005: 247-248].

В сознании гражданина Армении сформировалось двоякое восприятие государства как, с одной стороны, отчужденного института управления, а с другой – как "символа" возрождения нации. В первом случае доминируют такие характеристики, как коррупция, произвол властей, монополизация политической и экономической власти; во втором – победа в карабахской войне, повышение престижа армянской армии как главного государственного института, факт обретения государственности.

Было очевидно отсутствие государственной стратегии политической и гражданской социализации. В процессе развития армянского государства понятия "национальный" и "демократический" по ряду причин сформировали оппозицию друг другу, но и стали "жертвами" внутриполитических конфликтов. Так, "национальная" составляющая была дискредитирована в начале 1990-х годов в результате борьбы президента Л. Тер-Петросяна с АРФ "Дашнакцутюн" и последующего запрета деятельности последней, что резко ухудшило отношения между властями Армении и диаспорой, большое влияние на которую оказывала запрещенная партия. Необходимо отметить, что сам Л. Тер-Петросян, который объявил, что "национальная идеология – ложная категория", пытался представить данный процесс как попытку переформулировать "этнонациональный" общественный дискурс на "государствоцентричный". Демократия же "пострадала" уже после президентских выборов 1996 г., когда глава оппозиции В. Манукян не признал результаты и призвал сторонников к уличным демонстрациям, а власть жестко пресекла это выступление. Данные процессы показали динамику смены элит и исчерпанность политического капитала [Iskandaryan, Mikaelian, Minasyan 2016]. При этом политическая система пыталась менять некоторые свои элементы, не ломая работающие институциональные механизмы (см. табл.).

Таблица (Table)

Динамика парламентских и президентских выборов в Армении (1990-2018 гг.): количественный и качественный аспекты*

Dynamics of the Parliamentary and Presidential Elections in Armenia (1990-2018): Quantitative and Qualitative Aspect

Коалиция групп, формирующих политический класс**	**Победители и занявшие второе место на общенациональных выборах*****
"Революционеры", советская номенклатура, либеральная интеллигенция, комбатанты	Парламентские выборы 1990: *Армянское общенациональное движение (АОД) – 56 мест* *Коммунистическая партия Армении – 25 мест* Президентские выборы 1991: *Левон Тер-Петросян (АОД) – 83%* *Паруйр Айрикян (Союз за Национальное самоопределение) – 7,2%*
Либеральная интеллигенция, ветераны карабахской войны, формирующаяся прослойка олигархов	Парламентские выборы 1995: *"Республиканский блок" (АОД, Республиканская партия Армении (РПА), Христианско-демократический союз Армении, Социал-демократическая партия Гнчакян) – 42.66%* *Партия "Шамирам" – 16,88%* Президентские выборы 1996: *Левон Тер-Петросян (АОД) – 51,3%* *Ваген Манукян (Национально-демократический союз) – 41%*

Узкий круг приближенных выходцев из Нагорного Карабаха, ветераны карабахской войны, “комсомольская” номенклатура, технократы, олигархи	Парламентские выборы 1999: *Блок “Единство” (Народная партия Армении, РПА) – 41,69%* *Коммунистическая партия Армении – 12,09%* Президентские выборы 1998: *Роберт Кочарян (независимый) – 58,9%* *Карен Демирчян (Народная партия Армении) – 40,1%*
	Парламентские выборы 2003: *Республиканская партия Армении (РПА) – 23,66%* *Блок “Справедливость” (Народная партия Армении, “Республика” и др.) – 13,71%* Президентские выборы 2003: *Роберт Кочарян (независимый) – 67,45%* *Степан Демирчян (Народная партия Армении) – 32,55%*****
Профессиональные бюрократы, партийные функционеры, технократы, крупный бизнес, силовики	Парламентские выборы 2007: *РПА – 32,8 %* *Партия “Процветающая Армения” – 14,7%* Президентские выборы 2008: *Серж Саргсян (РПА) – 52,82%* *Левон Тер-Петросян (Армянский национальный конгресс) – 21,5%*
	Парламентские выборы 2012: *РПА – 44,02%* *Партия “Процветающая Армения” – 30,12%* Президентские выборы 2013: *Серж Саргсян (РПА) – 58,64%* *Раффи Ованнисян (партия “Наследие”) –36,75 %*
	Парламентские выборы 2017: *РПА – 49,17 %* *Блок “Царукян” – 27,35 %*
Новое поколение политических деятелей, представители гражданского общества, либеральная интеллигенция, технократы	Внеочередные парламентские выборы 2018*****: *Альянс “Мой шаг” (партия “Гражданский договор”, партия “Миссия”) – 70,43%* Партия “Процветающая Армения” – 8,27%

*****Таблица составлена на основе данных сайтов Национального собрания и Центральной избирательной комиссии РА. URL: http://www.parliament.am/deputies.php?sel=factions&lang=rus, https://www.elections.am (accessed 20.01.2020).

**Данный раздел составлен на основе коллективного труда: Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. 2016. *War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute.

*******Представлены результаты парламентских выборов по национальному участку (пропорциональная система). В действительности до 2017 г. (хотя “скрытая мажоритарная система” после проведения конституционных реформ в Армении сохранилась в качестве территориальных рейтинговых списков) смешанная избирательная система позволяла добирать недостающее количество мест в парламенте благодаря одномандатным округам.

****Президентские выборы 2003 г., как и выборы 1998 г., прошли в два тура. В таблице зафиксированы результаты второго тура.

*****После перехода Армении к парламентской форме правления прямые президентские выборы в 2018 г. не проводились.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ

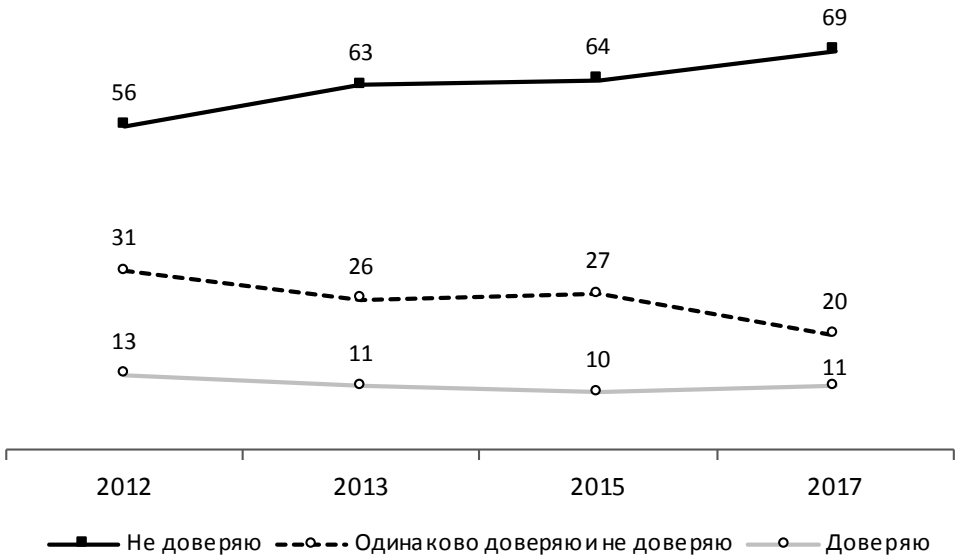
Государство окончательно “ушло” из социальной сферы, а люди мыслили свое существование вне политики. Участие в митинговой деятельности было отчаянным шагом для решения личных “насущных” проблем. Вместе с тем

партийная система развивалась в русле классического клиентелизма, когда сообщества политических деятелей пытались добиться допуска к политическим и экономическим благам. Борьба партий персонализировалась, и, как следствие, сохранялся крайне низкий уровень доверия общества политическим партиям и общественным институтам (см. рис. 1, рис. 3).

Рисунок 1 (Figure 1)

Уровень доверия политическим партиям, %[2]

Level of Trust in Political Parties, per cent



Даже после "бархатной революции" общественное мнение не отличалось оптимизмом в отношении роли политических партий. В рамках исследования, проведенного Армянской социологической ассоциацией, только 34% респондентов назвали деятельность политических партий позитивной, в то время как 59% отрицательно отозвались о работе этих институтов. Так сложилось в армянской политической действительности, что институты "действия" всегда имели большее доверие населения, чем "инертные" политические или общественные институты. Исключением была церковь – традиционный институт сохранения армянской культурной идентичности, но в последние годы ее престиж резко снизился. "Отсутствие" института церкви в социально-политической жизни в конце концов привело к падению доверия к ней даже по сравнению со СМИ и полицией (см. рис. 2). С другой стороны, по данным *Caucasus Barometer*, после 2008 г. рейтинг доверия полиции не поднимался выше отметки в 35%, что было связано с трагическими событиями разгона массовой демонстрации 1 марта 2008 г. и последующей динамикой нараставшего социального протеста в республике (см. рис. 3). Как и в случае с другими институтами, происходит их "персонификация" – недоверие к личностям руководителей плавно перерастает в недоверие к самому институту.

[2] Ответ на вопрос: "Насколько Вы доверяете или не доверяете армянским политическим партиям?". Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра *(Caucasus Research Resource Center – CRRC)*. URL: https://www.caucasusbarometer.org/en/ (accessed 20.01.2020).

Рисунок 2 (Figure 2)

Оценка работы институтов, %[3]
Evaluation of Institutional Work, per cent

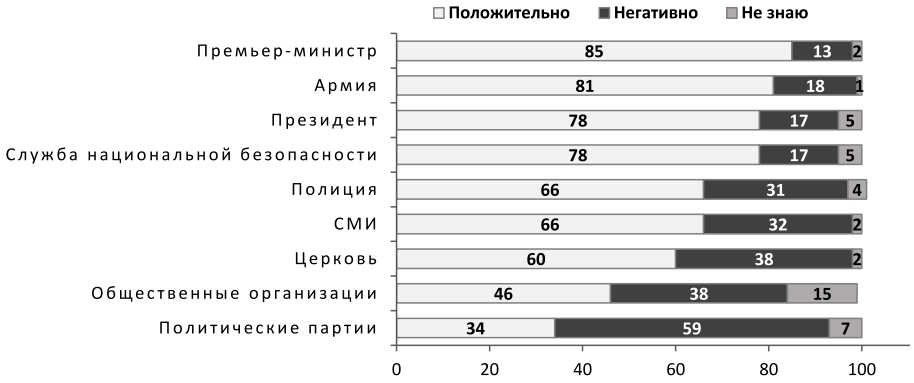
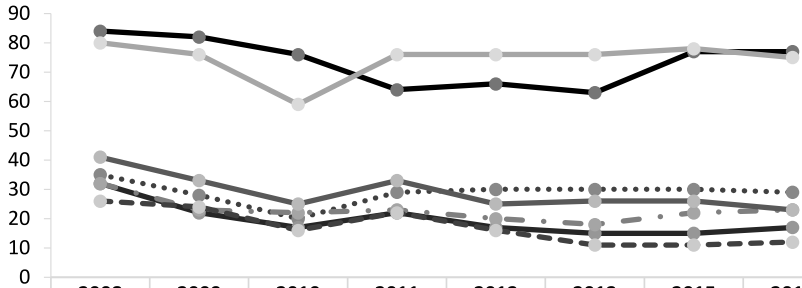


Рисунок 3 (Figure 3)

Уровень доверия политическим и общественным институтам, %[4]
Level of Trust in Political and Public Institutions, per cent



	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2015	2017
Армия	84	82	76	64	66	63	77	77
Полиция	35	28	20	29	30	30	30	29
Суды	32	22	17	22	17	15	15	17
НКО	32	23	22	23	20	18	22	23
СМИ	41	33	25	33	25	26	26	23
Парламент	26	24	16	22	16	11	11	12
Церковь	80	76	59	76	76	76	78	75

Можно сделать вывод, что социальные и политические институты сильно зависят от политической конъюнктуры на тот или иной момент, которая, в свою очередь, тесно связана со сменой поколений в политической элите страны. Особенным институтом, “внешним” для армянской политической

[3] Ответ на вопрос: “Скажите Ваше мнение о работе каждого из данных институтов”. Источник: данные социологического опроса, проведенного Армянской социологической ассоциацией в октябре 2018 г. URL: https://www.iri.org/sites/default/files/2018.11.23_armenia_poll.pdf (accessed 20.01.2020).

[4] Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра *(Caucasus Research Resource Center – CRRC)*. URL: https://www.caucasusbarometer.org/en/ (accessed 20.01.2020).

жизни, остается армия. Прогресс внутри армии очевиден для общества и подкрепляется угрозой военного нападения со стороны соседних государств, поэтому данный институт вне зависимости от политических процессов в гражданском сознании армян занимает, как ни парадоксально, особое "аполитичное" место. В этом случае нет противоречия между "аполитичностью" армии и участием во власти "ветеранов" войны. Наличие внешней угрозы в условиях отсутствия окончательного формата урегулирования карабахского конфликта усиливает роль армии как постепенно развивающегося института, действующего под четким гражданским контролем. Армия воспринимается как институт, обеспечивающий существование армянской государственности.

Осознание данного факта лежало в основе предложенного предыдущим руководством республики проекта "нация-армия", сущность которого выражалась в формуле: "Нация-армия – намного шире, чем национальная армия, так как национальная армия служит нации, а нация-армия есть сама нация"[5]. Армия должна стать не грузом для государства, а мотором, локомотивом развития индивида как гражданина, общества и государства. Именно из армии должны идти стимулы прогрессивного развития всего общества и государства. Таким образом, армия рассматривается как ключевой актор политики идентичности (нациестроительства). Хотя нынешнее руководство не использует термин "нация-армия", но по существу именно блоки этого проекта реализуются в процессе армиестроительства Республики Армения.

Говоря о смене власти в 2018 г., нельзя не обратиться к проблеме кризиса власти, возникшего после начала президентства С. Саргсяна. Если до 2008 г. в обществе существовало определенное доверие власти, то после начался постепенный спад, связанный с множеством факторов внутренней и внешней политики (см. рис. 4).

Рисунок 4 (Figure 4)

Направление внутренней политики Армении, %[6]

Direction of National Politics in Armenia, per cent



[5] См., например, выступление министра обороны РА Вигена Саркисяна (на арм. яз.) на сайте Министерства обороны Республики Армения от 29 октября 2016 г.: http://www.mil.am/hy/news/4466 (accessed 20.01.2020).

[6] Ответ на вопрос: "Существуют разные мнения относительно направления развития внутренней политики Армении. С чем из следующего Вы бы лично согласились?". Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра *(Caucasus Research Resource Center – CRRC)*. URL: https://www.caucasusbarometer.org/en/ (accessed 20.01.2020).

Трансформация протеста: от политических проблем к социальным и обратно

Нельзя сказать, что ненасильственный протест является новинкой для армянского общества. Демонстрации 1965 г. и Карабахское движение имели сугубо мирный характер, ориентируясь на реализацию конституционных прав граждан [Золян 2011]. Пример Карабахского движения показателен, так как граждане на митингах в Ереване и Степанакерте требовали реализации норм, заложенных в Конституции СССР, в то время как в действительности (даже в условиях перестройки) доминирующим оставалось наличие определенных формальных принципов, не имеющих возможности фактического применения. Армения была единственной республикой бывшего СССР, которая реализовала свое право на сецессию (статья 72 Конституции СССР 1977 г.)[7] на основе правовых норм Союза[8]. Таким образом, использование правовых методов реализации политических и гражданских целей стало частью армянской политической культуры, что можно объяснить также отсутствием иных ресурсов давления на политическое руководство.

Первые 20 лет независимости были ознаменованы как ростом митинговой активности, так и снижением социально-экономического уровня отдельных групп населения. В этих условиях трудно было находить консенсус для решения различных политических задач. Проблемы, вызвавшие консолидацию населения, ассоциировались прежде всего с историко-культурной идентичностью армянского народа. Впрочем, многие популярные в 1990-е годы и позже политические мифы сформировались в советский период. Даже взгляд на историю армянской нации по сравнению с советским периодом лишился идеологического пафоса, иллюстрирующего многовековое национально-освободительное движение армян. В социальной, политической, идеологической и других сферах вакуум расширялся, но низкий уровень политической культуры не способствовал формированию новых политических движений или идеологических направлений.

Как следствие, политический процесс (а вместе с ним и основа развития гражданского сознания) строился на нескольких главных принципах: 1) политика формировалась исходя из консенсуса между различными группами, 2) внутриполитическая борьба рассматривалась в обществе как противостояние двух личностей или групп, 3) оппозиция не была способна сформулировать отличный от властного политический и общественный дискурс, 4) армянское общество не рассматривало политику как сферу "экзистенциального вызова".

Трагические события 1 марта 2008 г. стали чертой, разделившей развитие армянской государственности на до и после. Отметим, что традиционное восприятие отношений между властью и обществом пошатнулось вследствие гибели десяти человек, которая была представлена оппозицией и СМИ как убийство граждан "режимом" [Золян 2010]. Кроме того, возник диссонанс политической "целесообразности" с национальным менталитетом. "Дело 1 марта" в этом контексте показательно с точки зрения влияния на обществен-

[7] *Конституция СССР 1977 г.* URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iii (accessed 20.01.2020).

[8] Маркедонов С.М. Самоопределение по ленинским принципам. – *Агентство политических новостей*. 21.09.2006. URL: https://www.apn.ru/index.php?newsid=10413 (accessed 20.01.2020).

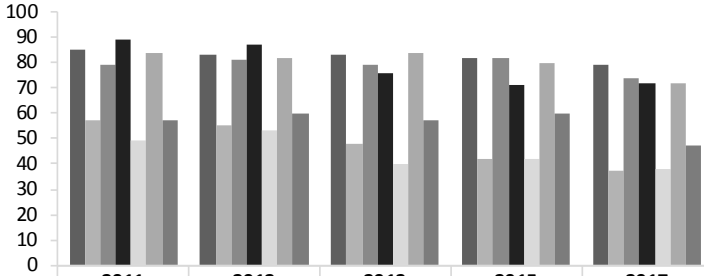
ное сознание и формирования нового дискурса гражданского протеста, дистанцирующегося от политики как таковой. В результате после 2008 г. начался этап противопоставления гражданского движения политическому процессу, что было связано как с разочарованием граждан в политических лидерах и партиях, так и с трансформацией общественного сознания.

Несмотря на это, общество по-прежнему выбирало пути пассивного политического участия, совмещая инерционное развитие и низкий уровень доверия институтам. Такое же состояние общества описывается в концепции М. Олсона, когда люди могут избежать участия в коллективных действиях, но все-таки надеются на успех массовых движений [Олсон 1995]. Так, в Армении гражданственность ассоциируется главным образом с институтами коллективного действия, но индивидуальное политическое поведение остается на низком уровне (см. рис. 5). Бедность ощутимой части населения также способствовала формированию целой страты социальных "безбилетников", стремящихся "проехать" за счет чужих коллективных действий. Можно сказать, что успех "бархатной революции" был связан с подобной "логикой коллективного действия" в условиях крайне низкой легитимности власти.

Рисунок 5 (Figure 5)

Признаки "хорошего" гражданина, %[9]

Characteristics of a "Good" Citizen



	2011	2012	2013	2015	2017
Следовать традициям	85	83	83	82	79
Поддерживать правительство в любой ситуации	57	55	48	42	37
Поддерживать людей, находящихся в худшем положении	79	81	79	82	74
Подчиняться законам	89	87	76	71	72
Критиковать власть	49	53	40	42	38
Голосовать на выборах	84	82	84	80	72
Заниматься волонтерством	57	60	57	60	47

Период правления президента С. Саргсяна был ознаменован рядом внешнеполитических проблем и ростом внутриполитической напряжен-

[9] Ответ на вопрос: "Какой признак наиболее присущ 'хорошему' гражданину?". Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра *(Caucasus Research Resource Center – CRRC)*. URL: https://www.caucasusbarometer.org/en/ (accessed 20.01.2020).

ности. При этом во внутренней политике сформировалось два противопоставляемых друг другу дискурса: монополизации политического поля страны и развития гражданской протестной культуры. Политический процесс принес разочарование большей части населения, и многие социально-экономические процессы приобретали политический окрас, хотя гражданские активисты всячески дистанцировались от политических процессов. Примечательно, что в течение акций протеста в 2012-2016 гг. акцент ставился на теме социальной несправедливости, но движения политического дискурса "влево" так и не произошло. Этому было много причин, укажем на основные: короткий период протестных акций, отсутствие системности борьбы, маргинализация значительной части общества, низкая политическая культура, манипуляция общественным мнением и отсутствие опоры в политическом поле. Кроме того, протестные акции выполняли функцию рекрутирования "новых" лиц, которые потом стали частью политической элиты.

Несмотря на некоторый рост гражданской активности, дискурс развития армянского общества оставался прежним, но переменные на политическом поле страны стремительно менялись. А.В. Атанесян отмечает, что общественное мнение о социальных проблемах также не трансформировалось, как и отношение к государству как к "опекуну". Среди главных проблем армянского общества назывались безработица, бедность, низкий уровень согласия, коррупция и другие проблемы. Нерешенные территориальные споры занимали лишь шестую строчку в ряде проблем, стоявших перед Арменией в 2017 г. [Атанесян 2018: 87-89].

Социальные ожидания общества оставались неизменными, но способы решения проблемы сталкивались с провалами во внутренней и внешней политике, что сильно снизило рейтинг исполнительной власти и повысило желание граждан перейти к более решительным действиям. Вместе с тем политические процессы после 2015 г. привели к ряду институциональных изменений, не ограничившихся политической сферой. Здесь можно выделить три основных сюжета:

1) апрельская приграничная война 2016 г.,

2) захват полка полицейской службы вооруженной группой "Сасна Црер" в июле 2016 г.,

3) процессы, сопутствующие переходу Армении от смешанной к парламентской республике.

После этих событий зафиксирован надлом как в протестных настроениях граждан, так и в отношении к власти, так как смена правительства в сентябре 2017 г. некоторым образом дала надежду на выход из кризиса (см. рис. 6). Можно отметить, что выступление группы "Сасна Црер" и поддержка этой акции со стороны некоторых граждан символически стали "зеркалом 1 марта", т.е. в народном сознании было реализовано право на неповиновение власти. Но гибель двух сотрудников полиции, в свою очередь, была отражена в общественном сознании как однозначно негативный поступок. В общественной и политической жизни республики завершился десятилетний драматический период противостояния между "властью" и "улицей", и армянское общество нуждалось в более "креативных" действиях против власти и изменении формата гражданской борьбы.

Тем временем гражданское движение постепенно заполняло вакуум в политическом пространстве, что стало заметно до парламентских выборов 2017 г., когда будущий глава "революционного" движения Н. Пашинян заявил о создании новой "институциональной оппозиции" в Армении, которая перешла от тактики уличной борьбы к внутрипарламентскому противостоянию с партией власти[10]. Логика социальных и политических процессов сводилась к формированию альянса между гражданскими движениями и политическими силами, поскольку разочарование в обществе углублялось и касалось как сомнительных тактических побед в рамках социальных протестов, так и дискредитации политической оппозиции. Этим объясняется и механизм подготовки протестов в марте 2018 г., когда протест против нового срока С. Саргсяна в качестве премьер-министра формировался вокруг двух гражданских инициатив: "Мой шаг" – акции партии "Гражданский договор" во главе с Н. Пашиняном, "Отвергни Сержа" – акции протестов, организованной одноименной инициативной группой из гражданских активистов.

Рисунок 6 (Figure 6)

Уровень одобрения участия в акциях протеста и доверия исполнительной власти, %[11]

Level of Approval for Participation in Protests and Trust in Executive Power, per cent



"БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ" В АРМЕНИИ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ ПРОТЕСТА И ВЛАСТНЫЕ СТРАТЕГИИ

Первая инициатива была организована сторонниками партии "Гражданский договор", однако она представляла собой именно гражданский протест, направленный на мобилизацию населения с целью проведения мирных протестных акций в виде митинговой активности и посещения крупных городов Армении по маршруту Гюмри – Ереван. Отметим также, что другие партии, входившие в оппозиционный парламентский блок "Елк" ("Выход"),

[10] См., например, Никол Пашинян: "Мы не вели граждан к поражению". – *Аравот – Новости Армении*. 19.05.2016. URL: https://www.aravot-ru.am/2016/04/19/207241/ (accessed 20.01.2020).

[11] Ответы на вопросы: "Одобряете ли Вы участие населения в акциях протеста? Насколько Вы доверяете институтам исполнительной власти?". Источник: данные Кавказского исследовательского ресурсного центра *(Caucasus Research Resource Center – CRRC)*. URL: https://www.caucasusbarometer.org/en/ (accessed 20.01.2020).

не поддержали данную акцию, а гражданские активисты постепенно влились в общий поток движения. Примечательно, что организаторы протестов изначально разработали подробный план действий в условиях различных сценариев, о чем уже 2 апреля 2018 г. сообщил один из организаторов Т. Авинян[12]. Интересно, что Н. Пашинян осознанно избрал путь давления на парламент страны извне, понимая отсутствие реальных рычагов влияния в контексте так называемой институциональной борьбы, сторонниками которой были иные оппозиционные силы.

Говоря об организованности и дисциплинированности протестного движения, нельзя не заметить отпечатка практики социальных протестов, нацеленных на решение определенных проблем, и быстрого затухания движения после разрешения конфликта или разгона демонстрации. Выдвигая цель недопущения третьего срока С. Саргсяна в качестве премьер-министра РА, протестующие и сам Н. Пашинян слабо представляли свои дальнейшие шаги в случае победы движения. Свидетельством этому стало формирование новой повестки уже в дни активных протестов и после отставки премьер-министра С. Саргсяна. Все пункты Н. Пашиняна (избрание новым премьер-министром "кандидата от народа", формирование нового правительства и проведение внеочередных выборов)[13] были реализованы в дальнейшем, но логика гражданского протеста осталась, так как стратегия будущих действий новой политической элиты не была сформулирована.

"Бархатная революция" 2018 г. привела к смене структуры власти и развитию гражданского сознания в обществе, но действия новой власти подчиняются старой логике, направленной на точечное решение различных проблем. Важно понимать, что резкая смена поколений в политической элите (средний возраст депутатов парламента 35 лет) привела к тому, что новое поколение, включенное до этого в различные гражданские инициативы, вынуждено набирать опыт путем проб и ошибок, меняя как свою аудиторию, так и методы работы. К тому же опыт деятельности в рамках общественных организаций и решения конкретных проблем может как помогать в государственной деятельности, так и привести к снижению уровня плюрализма внутри гражданского общества [Laverty 2008]. Стоит отметить, что в процессе "бархатной революции" серьезно изменилась структура власти, но не структура общества. Здесь происходит кризисный переход, связанный с отсутствием ясной перспективы дальнейшего развития, поскольку гражданское общество – постоянный антагонист прошлой власти, обеспечивший успешную ее смену, – не смогло определить для себя новый формат отношений с государством. Те представители гражданского общества, которые стали частью правительства, Национального собрания или новых партий, также не предложили внятной повестки отношений между государством и гражданским обществом.

Объяснить такое положение дел возможно естественным процессом ослабления гражданского общества после революционных событий [Broers 2005; Muskhelishvili, Jorjoliani 2009] или постепенным "захватом" граждан-

[12] Тигран Авинян: "Будут не ежедневные сидячие демонстрации, а ежедневные митинги. Член ГД". – *1in.am*. 02.04.2018. URL: https://www.1in.am/2327607.html (accessed 20.01.2020) (на армянском).

[13] Никол Пашинян: представитель РПА не может быть кандидатом в премьер-министры Армении. – *Аравот – Новости Армении*. 24.04.2018. URL: https://www.aravot-ru.am/2018/04/24/271333/ (accessed 20.01.2020).

ского общества государством (или наоборот) [Ishkanian 2018]. После смены власти в 2018 г. многие гражданские активисты, сделавшие себе имя во время различных социальных и политических протестов 2012-2017 гг., перекочевали в правительство или создали новые политические партии. Гражданское общество значительно обеднело, так как в Армении многие явления привязаны к личностям, а не к институтам или идеологии. Наиболее схожий пример Грузии показывает, что переход некоторых гражданских активистов на государственную службу после "революции роз" привел к росту напряженности с бывшими общественными структурами, поскольку новоиспеченные чиновники придавали большее значение "институциональным целям" [Grodsky 2012: 1702]. Для Армении в сфере развития гражданского сознания присутствует ряд рисков, которые зависят от шагов новой власти, так как действия гражданского общества во многом будут реактивными. "Бархатная революция" привела к власти "условных либералов", но это не означает, что внутриполитическая ситуация пойдет по пути идеологической борьбы, так как доминирует этнонациональная идентичность.

Формирование и развитие гражданской идентичности связаны с адекватностью оценок политической ситуации как внутри, так и вне Армении. В "постреволюционный" период возникает опасность использования популизма в качестве системы социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения [Медушевский 2018: 47-48]. Такая ситуация может сложиться в результате эффекта "относительного лишения", ведущего к углублению социальных кризисов [Gurr 1970].

Логика формирования политического мифа вокруг "ненасильственной революции" может стать благодатной почвой для популистского образа мышления политической элиты и, как следствие, болезненного кризиса в случае неспособности претворить в жизнь некоторые утопические проекты, а также столкновения нового мифа с политической реальностью. Иными словами, в случае укоренения "слабой демократии" армянское общество рискует войти в заколдованный популистский круг, формирующийся как из политической элиты и контрэлиты, так и из поредевшего после "бархатной революции" гражданского общества. Неэффективная политика нового правительства может привести к снижению доверия институтам, продолжив старую тенденцию эрозии институциональной основы политики, что спровоцирует новую протестную волну. Смена власти в Армении в 2018 г. дала толчок развитию гражданского сознания в республике, но процесс нуждается в дальнейшей поддержке и фиксации конкретных направлений во внутренней и внешней политике.

Демократические реформы новой власти должны быть подкреплены конкретными экономическими показателями, так как протесты 2008-2018 гг. были вызваны именно проблемами социальной несправедливости, что подтверждается данными о бедности и занятости населения (см. рис. 7).

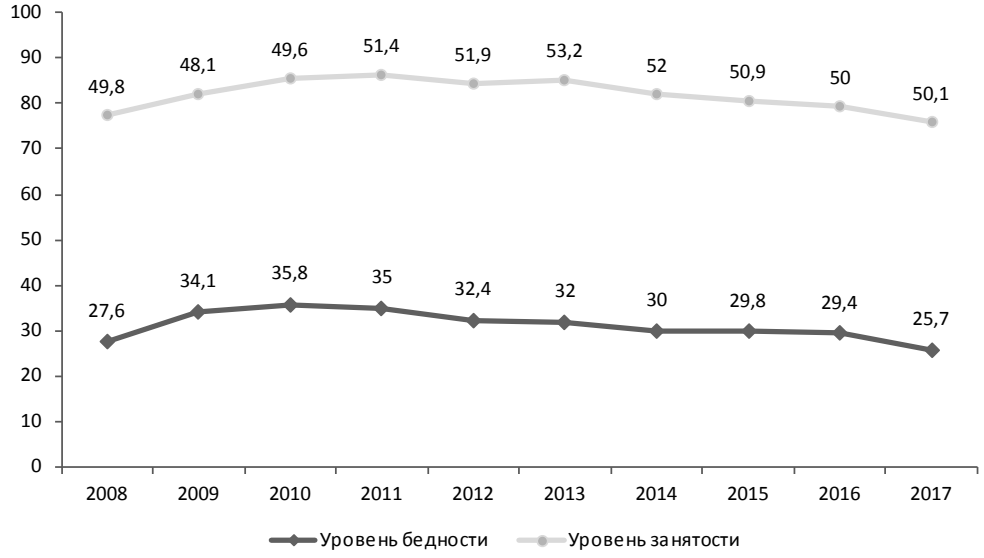
Стоит учитывать, что доля теневой экономики и неолиберальные реформы могут значительно скорректировать картину. Вместе с тем социальная поляризация имеет потенциал к усилению в контексте радикальных экономических перемен, связанных с реализацией нового пакета налоговых реформ. Неподготовленность населения к эффекту неолиберальных реформ в виде

роста рыночной конкуренции и снижения уровня общественной солидарности способна привести к некоторым рискам [Stark 2018: 50-51]. Как результат, государство будет продолжать "уходить" из сферы социального обеспечения, что в условиях низкого уровня гражданского сознания навряд ли можно будет оценить положительно.

Рисунок 7 (Figure 7)

Уровень бедности и занятости в республике, %[14]

Level of Poverty and Employment, per cent



Заключение

Долгие века отсутствия собственного государства и включенности в государственные образования с низким уровнем общественного развития не могли не отразиться на развитии гражданской идентичности населения Армении. В результате стала преобладать культурно-конфессиональная модель нации. Советский период в некотором смысле способствовал развитию гражданско-государственной культуры армянского народа.

Движение за независимость ознаменовалось резким всплеском демократических изменений общественной жизни, но начавшийся процесс по определенным причинам был приостановлен. Недоверие к властным элитам и высокий уровень бедности постепенно способствовали росту недоверия самому институту государства, а в дальнейшем – и другим политическим институтам. Общество стало самоорганизовываться "снизу", что выразилось в протестных акциях. Гражданские движения сформировали новую "гражданскую элиту".

В результате смены властных элит после "бархатной революции" гражданские активисты "ушли" во власть, что значительно обеднило гражданское общество. Одновременно с этим политические институты не оправились от

[14] График составлен на основе данных Статистического комитета Республики Армения. URL: http://armstatbank.am/pxweb/hy/ArmStatBank (accessed 20.01.2020).

эффекта революционных преобразований, поэтому для новой политической элиты важно не избегать проблем, стоящих перед армянским обществом, и перейти к разработке четкой стратегии развития государства и общества. С точки зрения развития гражданского сознания важен содержательный диалог власти и общества по острым проблемам: проведение социологических опросов с четко поставленными аналитическими задачами и усовершенствование институциональной и нормативной базы для осуществления дальнейших демократических реформ.

Новая "революционная" элита имеет претензию на формирование определенного типа гражданской идентичности на основе мифологизации "революции", избегания неформальных сторон политического и общественного взаимодействия, а также проведения неолиберальных экономических реформ, укрепляющих позиции института государства в качестве арбитра общественных отношений, но не "опекуна". Исходя из этого, неприятие обществом такой логики развития и конфликт между этнокультурным и гражданским типами идентичности может привести к новому витку социальных разногласий.

DOI: 10.17976/jpps/2020.02.05

THE DYNAMICS OF CIVIL IDENTITY TRANSFORMATION IN MODERN ARMENIA: FACTORS AND SUBJECTS

H.L. Sarkisyan[1], N.A. Dunamalyan[1]

[1]Russian-Armenian University. Yerevan, Armenia

SARKISYAN, Hovhannes Lavrentievich, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Department of Political Science, Russian-Armenian (Slavonic) University, email: hovhannes.sargsyan@rau.am; **DUNAMALYAN, Norayr Armenovich**, Cand. Sci. (Pol. Sci.), senior lecturer of department of Political Science, Russian-Armenian (Slavonic) University, email: norayr.dunamalyan@rau.am

Sarkisyan H.L., Dunamalyan N.A. The Dynamics of Civil Identity Transformation in Modern Armenia: Factors and Subjects. – Polis. Political Studies. 2020. No. 2. P. 53-72. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05

Acknowledgments. The work has been supported by the Russian-Armenian (Slavonic) University at the expense of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in frameworks of project "National culture as a strategic resource of development: history and challenges of modernity (on the example of Armenia and Armenians)".

Received: 16.05.2019. Accepted: 09.09.2019

Abstract. This paper is devoted to the issue of civil identity development in Armenia in the context of the protest movements of recent years that culminated in the "velvet revolution" in 2018. Through a comprehensive analysis, the authors aim to define the main factors that have had an influence on Armenian society's civic consciousness transformation. The authors believe that it is necessary to take into account the specifics of the historical development of the Armenian people, not excluding the use of existing general methodological concepts (mainly created in the context of Western society's development). Regarding the development of Armenian society's civil identity, a significant place is given to the Soviet period, which, with all the positive and negative aspects of this era, contributed to the formation of a number of civic consciousness basic elements, which to some extent became the basis for the future independence movement. "Karabakh", "Armenian army", "state", "historical past", "tradition", and "Christianity" are all concepts included in the symbolic portrait of modern Armenian citizenship, albeit with great reservations. These reservations are connected with the specifics of the construction of the Armenian national consciousness, on the basis of various elements that are formed during the conflict of cultural, confessional and civic identity models. In the post-Soviet period, social discourse in Armenia was built around the opposition of "ethno-national" and "state-centric" approaches. The construction of civic identity in this context directly depends on the development of society, since the level of "personalization" of political institutions has a close relationship with the

degree of trust in them. The presented statistics confirm this by demonstrating the specificity of the transformation of civil consciousness before and after the "velvet revolution", as well as defining the main trends of domestic policy and the development of Armenian society as a whole. The authors present an analysis of the main factors (change of generations, political culture, transformation of social protest into political), contributing to further research on the development of civic identity in the face of the new risks emergence and threats in the context of determining the optimal format of relations between the state and society.

Keywords: civic identity, nation, Armenity, identity policy, nation-building, cultural-confessional model of identity, civil society in Armenia, nation-building, velvet revolution, protest actions, social transformation.

References

Broers L. 2005. After the 'Revolution': Civil Society and the Challenges of Consolidating Democracy in Georgia. – *Central Asian Survey*. Vol. 24. No. 3. P. 333-350. https://doi.org/10.1080/02634930500310444

Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2018. Vol. 26. No. 4.

Grodsky B. 2012. Co-optation or Empowerment? The Fate of Pro-Democracy NGOs after the Rose Revolution. – *Europe-Asia Studies*. No. 64 (9). P. 1684-1708. https://doi.org/10.1080/09668136.2012.718419

Gurr T.R. 1970. *Why Men Rebel*. Princeton: Princeton University Press.

Ishkanian A. 2018. After the Velvet Revolution: Shifting Space for Civil Society in Armenia. – *From Shrinking Space to Post-Revolutionary Space: Reimagining the Role and Relations of Civil Society in Armenia*. Andreasyan Zh., Ishkanian A., Manusyan A., Manusyan S., Zhamakochyan A. Analytical report. P. 70-78. https://doi.org/10.4324/9780203929223

Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. 2016. *War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute. https://doi.org/10.15804/athena.2018.57.12

Laverty N. 2008. The Problem of Lasting Change: Civil Society and the Colored Revolutions in Georgia and Ukraine. – *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 16. No. 2. P. 143-161. https://doi.org/10.3200/demo.16.2.143-162

Muskhelishvili M., Jorjoliani. G. 2009. Georgia's Ongoing Struggle for a Better Future Continued: Democracy Promotion Through Civil Society Development. – *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 16. No. 4. P. 682-708. https://doi.org/10.1080/13510340903083000

Silaev N., Fomin I. 2018. My Step Aside from Sasna Tsrer: The Dynamics of Protest Coalitions in Armenia, 2016 and 2018. – *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 26. No. 4. P. 483-508.

Stark Ch. 2018. The Neoliberal Ideology, its Contradictions, the Consequences and Challenges for Social Work. – *Ljetopis socijalnog rada*. Vol. 25. No. 1. P. 39-63. https://doi.org/10.3935/ljsr.v25i1.196

Ter-Matevosyan V. 2017. Institutions and Identity Politics in the Armenian Diaspora: the Cases of Russia and Lebanon. – *Diaspora Studies*. Vol. 10. No. 1. P. 64-80. URL: https://doi.org/10.1080/09739572.2016.1239436

Atanesyan A.V. 2018. "Velvet Revolution" in Armenia: Potential, Gains and Risks of Political Protest Activity. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 6. P. 80-98. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.06

Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie. [Identity: Individual, Society, Politics]. Encyclopedic Edition. 2017. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: Izdatelstvo VES MIR. (In Russ.)

Iskandaryan A.M. 2011. Armenia Between Autocracy and Polyarchy. – *Pro et Contra*. No. 3-4. P. 19-28. (In Russ.)

Martin T. 2011. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1933. (Russ. ed.: Martin T. *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939.* Moscow: ROSSPEN Press).

Marutian H.T. 2008. The Monument to Genocide Victims in the Context of Armenian Remembering Rites. – *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 3. P. 119-128. (In Russ.)

Medushevsky A.N. 2018. Populizm na Zapade i v Rossii: skhodstva i razlichiya v sravnitel'noi perspektive [Populism in the West and in Russia: Similarities and Differences in a Comparative Perspective]. – *Populizm kak obshchii vyzov* [Populism as a General Challenge]. Ed. by K. Krouford, B. Makarenko, N. Petrov. Moscow: ROSSPEN. P. 47-57. (In Russ.)

Olson M. 1995. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. (Russ. ed.: Olson M. *Logika kollektivnykh deistviI: obshchestvennye blaga i teoriya grupp.* Moscow: Fond ekonomicheskoi initsiativy Press).

Poghosyan G.A. 2005. *Sovremennoe armyanskoe obshchestvo: osobennosti transformatsii* [The Modern Armenian Society: Features of Transformation]. Moscow: Academia Press. 324 p. (In Russ.)

Sarkisyan H.L. 2017. Armyanskaya identichnost': problema sinteza modelei "kul'turno-istoricheskoi" i "gosudarstvennoi" natsii [The Armenian Identity and the Issue of a Synthesis of "Cultural-Historical" and "State" Nation Models]. – *Problemy natsional'noi identichnosti v kontekste sovremennoi globalizatsii*: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 3-4 noyabrya 2017 goda [The Problems of National Identity in Context of Modern Globalization. International Scientific Forum Proceedings. November 3-4, 2017]. Yerevan: RAU Press. P. 134-152. (In Russ.)

Sarkisyan H.L. 2018. The Cultural Resource of Identity Policy (Armenia's Example). – *Herald of Russian-Armenian University.* No. 2 (29). P. 28-33. (In Russ.)

Scott J. 2005. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. (Russ. ed.: Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalilis' proekty uluchsheniya uslovii chelovecheskoi zhizni.* Moscow: Universitetskaya kniga Press).

Semenenko I.S. 2017. Grazhdanskaya identichnost' [Civic Identity]. – *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika*. Ehntsiklopedicheskoe izdanie [Identity: Individual, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Ed. by I.S. Semenenko]. Moscow: Izdatelstvo VES MIR.. P. 654-658. (In Russ.)

Zolyan M.S. 2011. "Barkhatnaya revolyutsiya" v Armenii: dostizheniya i neudachi ["Velvet Revolution" in Armenia: Achievements and Failures]. – *Yuzhnyi Kavkaz – 20 let nezavisimosti* [The South Caucasus – 20 Years of Independence]. Moscow: Friedrich Ebert Foundation. P. 45-65. (In Russ.)

Zolyan S.T. 2010. Armeniya v 2008 godu: feodal'naya demokratiya ili demokraticheskii feodalizm [Armenia in 2008: Feudal Democracy or Democratic Feudalism]. – *Kavkaz-2008. Ezhegodnik Instituta Kavkaza.* [The Caucasus-2008. The Caucasus Institute Yearbook]. Yerevan: Caucasus Institute. P. 24-42. (In Russ.)

Литература на русском языке

Атанесян А.В. 2018. "Бархатная революция" в Армении: потенциал, достижения и риски политико-протестной активности. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 80-98. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.06

Золян С.Т. 2010. Армения в 2008 г.: феодальная демократия или демократический феодализм. – *Кавказ-2008. Ежегодник Института Кавказа.* Ереван: Институт Кавказа. С. 24-42.

Золян М.С. 2011. "Бархатная революция" в Армении: достижения и неудачи. – *Южный Кавказ – 20 лет независимости*. М.: Фонд Фридриха Эберта. С. 45-65.

Искандарян А.М. 2011. Армения между автократией и полиархией. – *Pro et Contra*. № 3-4. С. 19-28.

Марутян А.Т. 2008. Памятник жертвам геноцида в контексте ритуалов армянского народа. – *Этнографическое обозрение.* № 3. С. 119-128.

Медушевский А.Н. 2018. Популизм на Западе и в России: сходства и различия в сравнительной перспективе. – *Популизм как общий вызов*. Отв. ред. К. Кроуфорд, Б.И. Макаренко, Н.В. Петров. М.: Политическая энциклопедия. С. 47-57.

Олсон М. 1995. *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп.* М.: Фонд Экономической Инициативы. 165 с.

Погосян Г.А. 2005. *Современное армянское общество: особенности трансформации*. М.: Academia. 324 с.

Саркисян О.Л. 2017. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей "культурно-исторической" и "государственной" нации. – *Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации*. Материалы международной научной конференции 3-4 ноября 2017 г. Ереван: РАУ. С. 134-152.

Саркисян О.Л. 2018. Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении). – *Вестник Российско-Армянского университета*. № 2 (29). С. 28-33.

Семененко И.С. 2017. Гражданская идентичность. – *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Под ред. И.С. Семененко. М.: Издательство "Весь мир". С. 654-658.

Скотт Дж. 2005. *Благими намерениями государства. Почему и как провалились проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

Мартин Т. 2011. *Империя "положительной деятельности". Нации и национализм в СССР, 1923-1939.* М.: РОССПЭН.